

Алексей Гараджа

Sympotica Aristotelis: «Пир» – «Об опьянении»
(перевод и комментарии)

ALEXEI GARADJA

SYMPOTICA ARISTOTELIS: *SYMPOSIUM* – *ON DRUNKENNESS*
(A TRANSLATION, AND NOTES)

ABSTRACT. The publication presents a commented Russian translation of Aristotle's fragmentary treatise known to the ancient authors who had preserved those fragments under two parallel titles, *Symposium* (Συμπόσιον) and *On drunkenness* (Περὶ μέθης). Despite the fact that nowhere in the sources these two titles are combined into a single one, *Symposium*, or *On drunkenness*, there seems to be little doubt that it is one and the same work of Aristotle's that we are dealing with. It may be surmised that the double title was reflecting two different aspects of the topic treated in this work, viz. a cultural one, "symptotic" in the ancient understanding of the term, along the lines of the *Symposium* by Plato, Aristotle's teacher, or Plutarchus' work with the same title, and a medico-physiological one, in the vein of Ps.-Aristotle's *Problemata*. Rather widespread in Antiquity, the discussions of this topic, often composed as separate treatises under either title, were created by the representatives of many different schools: by Peripatetics (Theophrastus, Hieronymus of Rhodes, Chamaeleon of Heraclea), by Stoics (Zeno, Cleanthes, Seneca), by Epicureans (Epicurus, Philodemus); one of the central problems treated by all those authors was the question of the compatibility of drunkenness with wisdom. Such popularity of the topic, especially in the works created by Peripatetics, provides a wide choice of fragments for a "reconstruction" of this Aristotelean treatise, which has been exploited to varying degrees by different editors of Aristotle's fragments, from V. Rose to O. Gigon and R. Laurenti. As a rule, the editors seem to believe that a "reconstruction" of a fragmentary text is possible in principle, and assiduously strive to separate authentic authorial citations from the context – an approach that the author of the present translation doesn't share (at least in what concerns the work in question), therefore seeking to present as fully as possible exactly the context of any given fragment. The existing Russian translations of the ancient authors have been used, though often corrected to a considerable degree.

KEYWORDS: Aristoteles, ancient sympotica, wine-drinking.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.
Платоновские исследования / Platonic Investigations 24.1 (2026) DOI: 10.25985/Pl.24.1.17

Аристотель. Пир - Об опьянении

Свидетельства

Т 1 R³ = 51 Gigon (Plu. *QConv.* 1 pr., 612de).

Есть, Сосий Сенекион, такая поговорка: «За винной чашей не терплю я мнамона». Некоторые полагают, что это сказано против распорядителей застолья как обременительных и невоспитанных участников пирушки: ибо, как известно, сицилийские дорийцы называли такого распорядителя «мнамоном». Другие же думают, что поговорка велит забывать, что говорят и как ведут себя твои сотоварищи за винной чашей: потому-то отеческие заветы и посвящают Дионису забвение и ферулу — знак того, что надо либо ничего не вспоминать из допущенных кем-нибудь за вином нарушений благочиния, либо ограничиться лишь легким и ласковым внушением. Но ты и сам понимаешь, что если забвение дурного уже Еврипид (*Or.* 213) признал делом мудрости, то забывать огулом всё, что говорилось за вином, не только противоречит дружескому сближению участников застолья, но отвергается примером знаменитейших философов — Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Спевсиппа, Эпикура, Притана, Иеронима, Диона Академика: все они сочли достойным труда записать речи, которые велись в симпозиах. Ты высказал мнение, что и нам следует собрать всё заслуживающее этого из наших собеседований, происходивших и у вас в Риме, и у нас в Греции за обеденным столом и за кубком. Взявшись за это, я уже послал тебе три книги, каждая из которых содержит десять вопросов; скоро пошлю и остальные, если ты найдешь мой труд не совсем чуждым Музам и Дионису¹.

Т 2 R³ = 52 Gigon (Macr. *Sat.* 7.3.22–4.1).

«И хотя шутка называется одним-единственным именем, σκῶμμα, действия ее различны. Потому у лакедемонян среди прочих установлений их строго расписанной жизни Ликургом был введен

¹ Здесь и далее «Застольные беседы» Плутарха в переводе Я.М. Боровского с некоторыми изменениями. Μνάμων — букв. ‘напоминальщик’, древний аналог тамады; из стеблей ферулы (собственно, *váρθηξ*), растения семейства Зонтичных, делались «жезлы» вакхантов, но также розги школьных учителей.

и такой род упражнений, чтобы юноши учились и сами шутить без яда, и от других переносить подобное в свой адрес без обид, а если кто из них приходил в негодование из-за такого рода поддевок, впредь ему уже не позволялось подшучивать над другими. Так что ты видишь, мой Авиен — ты ведь молод и готов к обучению, притом настолько восприимчив, что наперед угадываешь урок, — ты видишь, говорю я, что весь род шуток обоюдоостр, и потому мой совет: воздерживайся-ка ты от подобного острословия на пирах, где под весельем в засаде гнев, и лучше либо предлагай на обсуждение, либо сам разъясняй застольные вопросы — такого рода, заниматься которыми и древние не считали пустою забавой, так что и Аристотель написал кое-что на этот счет, и Плутарх, и ваш Апулей: не следует пренебрегать тем, что столько философов сочли достойным внимания». И тут Претекстат: «Почему это такие вопросы предлагается обсуждать только молодому поколению, когда и старикам это вполне пристало? Давайте же мы все, здесь присутствующие, поговорим о вещах, имеющих отношение к пиру, причем не только о еде, но и, например, о природе тела или чем-то другом в этом роде — тем более, что здесь присутствует и наш Дисарий, искусство и ученость которого могут немало помочь в обсуждении таких вопросов. Так давайте, если угодно, бросим жребий, чтобы каждый по порядку предлагал вопрос, каковой он считает достойным выяснения»².

Фрагменты

F 99 R³ = 47 Gigon (Plu. *Suav.* 13, 1095e–1096a).

Что скажешь, Эпикур? С утра пораньше ты идешь в театр, чтобы послушать кифаредов и флейтистов, но если на пиру, к примеру, Феофраст начнет рассуждать о созвучиях (fr. 715 fHSG), Аристоксен о модуляциях (fr. 127 Wehrli), а Аристотель о Гомере, ты раздраженно и с отвращением заткнешь себе руками уши? Разве не выглядит по сравнению с вами, эпикурейцами, лучшим ценителем музыки скиф Атей, который, услышав, как исполнял на

² Пер. В.Т. Звиревича со значительными изменениями.

пирушке захваченный в плен флейтист Исмений, поклялся, что ржание его коня для него слаще? Разве не признают эпикурейцы (fr. 512 Usener), что ведут неумолимую и непримиримую войну со всем прекрасным, если оно не доставляет наслаждения? Что из священного и чистого им по сердцу и мило? Разве ради жизни в удовольствии не правильной чураться благовоний и курений, как жуки-скарабеи и коршуны, чем гнушаться и бежать разговоров литературных критиков и музыкантов? Ведь какие флейта или кифара, настроенные песнь сопровождать, или какой хор (fr. 1008 Page),

Что вширь разносится далёко
Из мудрствующих уст раскатом,

какие, спрашивается, звуки могли бы усладить Эпикура и Метродора настолько, насколько Аристотеля и Феофраста, Дикеарха (fr. 74 Wehrli = 96 Fortenbaugh-Schütrumpf) и Иеронима (fr. 26 Wehrli) радуют ученые обсуждения хоров, постановок или вопросов, связанных с авлетикой, ритмикой и гармонией?³

F 100 R³ = 50 Gigon (Ath. 5.6, 178ef).

Будучи предельно точным во всем, Гомер не пропустил и такую, казалось бы, малозначительную деталь — необходимость перед пиром позаботиться о теле и принять ванну. Так, перед пиром феаков он пишет об Одиссее (*Od.* 8.449):

Тут же ключница в ванну ему пойти предложила.

И в другом месте о Телемахе и его спутнике (*Od.* 4.48):

Оба пошли и в прекрасно отесанных вымылись ваннах.

«Было бы неприлично, — пишет Аристотель, — явиться на пир взмокшим от пота и запыленным». Ибо человек порядочный не

³ Фрагмент расширен контекстом по сравнению с тем, что приводят и В. Розе, и О. Жигон. Понятно, что строки с упоминанием последователей Аристотеля не могли принадлежать перу самого основателя школы, но следует помнить, что многие перипатетики считались авторами одноименных трактатов Περὶ μέθης — названные здесь Феофраст (fr. 569–579 fnsG) и Иероним Родосский (fr. 25–28 Wehrli), а еще и Хамелеонт Гераклеяский (fr. 9–13 Wehrli).

должен быть грязен, неумыт и, по словам Гераклита (fr. 22 В 13 ДК), «радоваться грязи»⁴.

Fr. 101.1 R³ = 48 Gigon (Ath. 15.16, 674e–675a).

Эсхил в «Прометее освобождаемом» (fr. 202 Radt) прямо говорит, что венками мы увенчиваем головы в честь Прометея, как воздаяние за его оковы, и в сатирической драме «Сфинкс» он говорит (fr. 235 Radt):

Венок пришельцу! ибо это лучшая
Из всех цепей, по слову Прометееву.

А Сапфо еще проще объясняет, почему мы надеваем венки (fr. 81.4–7 Voigt):

Венком охвати, Дика моя, волны кудрей прекрасных.
Нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток.
Где много цветов, тешится там сердце богов блаженных,
От тех же они, кто без венка, прочь отвращают взоры.

То есть жертвоприносители, украшенные цветами, угоднее богам. И Аристотель пишет в «Пире», что мы никогда не приносим богам увечное, но только полное (τέλεια) и целое. Полнота же — это «совершенное» (τέλειον), а «увенчание» (στέφειν) подразумевает своего рода наполнение. Гомер (*Il.* 1.470):

Доверху юноши снова кратеры вином увенчали.

И еще (*Od.* 8.170):

Бог красотой несказанной его словеса увенчает (στέφει).

«Кто с виду нехорош, — поясняет Аристотель, — восполняет этот недостаток убедительностью слов; кажется, что и венок служит такому восполнению. А в горести мы делаем обратное: соболезнуя покойным, увечим себя стрижкою волос и отказом от венков»⁵.

⁴ Здесь и далее «Пир мудрецов» Афиная в переводе Н.Т. Голикевича с некоторыми изменениями; гомеровские «Илиада» и «Одиссея» — в переводе В.В. Вересаева, также в ряде случаев с изменениями.

⁵ Фрагмент Эсхила в переводе М.Л. Гаспарова, Сапфо — В.В. Вересаева.

F 101.2 R³ = 49 Gigon (Σ Theoc. 3.21 Wendel).

«Порвать венки» и так далее, или разорвать венки на мелкие клочки: венки использовали на пирах, как говорит Аристотель, чтобы загадать плодоносный год и обильный урожай, ведь увенчивать значит наполнять (στέψαι γὰρ τὸ πληρῶσαι), как у Гомера (*Il.* 1.470):

Доверху юноши снова кратеры вином увенчали.

F 102.1 R³ = 667 Gigon (*Ath.* 2.11, 40cd).

Селевк же пишет (*fr.* 78 FNG), что в древности не было в обычае ни напиваться вином, ни переходить меру в других наслаждениях, если только это не было связано с почитанием богов. Отсюда и пошли названия застолий, пиршеств и пьянок: первые названы так потому, что на них, как считалось, следует напиваться во имя богов (θεοὺς οἰνοῦσθαι), вторые — потому что люди собирались за столом и хлебосольничали в честь богов (θεῶν χάριν ἠλίζοντο) — это ведь и есть «пир горой» (δαῖτα θάλειαν). Аристотель же говорит, что «напиваться» (τὸ μεθύειν) означает то, чем занимаются после жертвоприношения (τὸ μετὰ τὸ θύειν)⁶.

F 102.2 R³ = 677 Gigon (*Ph. Plant.* 35.142–42.177 Wendland).

(35) Многие философы приложили немало усилий для выяснения вопроса, который ставится так: «Станет ли мудрец напиваться?». Вообще говоря, «напиться» может означать две вещи: во-первых, выпить вина (οἰνοῦσθαι), во-вторых — захмелеть и дурить (ληρεῖν

⁶ Во втором предложении этого текста Афиней (διὸ καὶ θοίνας καὶ θαλείας καὶ μέθας ὠνόμαζον) Г. Кайбель изымает καὶ μέθας как глоссу; С.Д. Ольсон изъятие принимает, но это едва ли оправданно — во всяком случае, в аристотелевском фрагменте καὶ μέθας сохраняют и В. Розе, и О. Жигон, отсюда и наша трактовка. Название застолий (θοίνας) производится здесь из θεοὺς οἰνοῦσαι, пиршеств (θάλειαι) — из θεῶν ἠλίζω. Н.Т. Голинкевич переводит ἠλίζοντο как «солили пищу», но в данном случае ἀλίζω означает не ‘солить’ (от ἄλς ‘соль’), а ‘собираться’ (от ἀλής ‘собранный в кучу, толпу’); обе этимологии, конечно, фантастические. Эпическая формула δαῖτα θάλειαν (букв. ‘пир изобильный’) встречается, в частности, у Гомера (*Il.* 7.475, *Od.* 3.420; 8.76, 99). В *Суде* основанная на данном тексте статья о μέθη (μ 420) завершается так: «Вот и Гомер, говоря о ‘радостном обряде’ (τέλος χαριέστατον, *Od.* 9.5), имеет в виду жертвоприношение (θυσία)».

ἐν οἴνῳ)⁷. Среди пытавшихся найти ответ на этот вопрос одни утверждали, что мудрец не станет ни накачиваться через край неразбавленным, ни валять дурака в подпитии. Первое — это грех, второе ко греху ведет, и приличному человеку то и другое чуждо. Другие заявляли, что дурить во хмелю такому человеку не пристало, но выпить вина — вполне, полагая, что присущее ему здравомыслие способно противостоять любым силам, которые пытаются навредить ему, и отразить все их попытки извратить его душу. Они уверяют, что здравомыслие обладает силою гасить страсти — как те, что вызываются жгучими стрекалами воспаленного любовного чувства, так и те, что разжигаются горячительным действием вина: вооружившись здравомыслием, человек одолевает страсти. Они указывают, что из утопающих в глубокой реке или море тот, кто не умеет плавать, погибает, а кто владеет этим умением, вскорости спасает себя; неразбавленное же вино в изрядных количествах подобно захлестывающему душу бурному потоку: в одних случаях он может утянуть отяжелевшую душу на самое дно невежества, в других же благодаря спасительному образованию она остается легкой, держится на плаву, и никакой поток не в силах ей навредить. Еще другие, не признавая, думаю я, всей

⁷ Для правильного восприятия этого пассажа необходимо несколько уточнений: Филон отталкивается от библейского эпизода с напившимся Ноем (*Быт.* 9:20–21), приводя это место чуть выше в своем эссе (*Plant.* 34.140); речь здесь и далее идет исключительно о неразбавленном вине — «чистогане» (τὸ ἄκρατον); парные лексемы (глагол и имя), описывающие оттенки опьянения, не всегда однозначны, например οἴνομα и οἴνωσις, обозначая как правило начальную мягкую форму интоксикации, может использоваться и в буквальном смысле «винопития» как чисто физического процесса; изменения в психике захмелевшего фиксируется парой ληρέω и λήρησις, описывающей нелепые выходки и речи человека в подобном состоянии; пара μεθύειν и μεθή служит базой для разграничения двух смыслов опьянения, как в данном случае (одно дело просто выпить, другое — валять дурака и пороть чушь, «барагозить» и «гнать пургу» в подпитии), в других же обозначает более продвинутые процесс и результат накачивания себя спиртным. По-своему описывает две формы опьянения Амвросий Медиоланский (*De Noe* 29.111 Schenkl): в одном случае оно расшатывает организм и помутняет чувства, но в другом проветривает мозги и даже прогоняет хвори. «Многие философы» — это в основном стоики (о контексте исследования проблемы пьянства в древности см. Geljon, Runia 2019: 253–257).

полноты превосходства мудреца над всякою страстью, совлекали его, витающего в горних, с небес на землю подобно ловцам пернатых, проча ему столь же печальную долю, и, не желая видеть его на вершине добродетели, объявляли, что, перебрав вина, он непременно полностью перестанет владеть собою и погубит себя, и не только опустит руки от бессилия подобно побежденным атлетам, но и склонит выю и голову, подогнет колени и, совершенно пав духом, повалится навзничь всем своим разбитым телом.

(36) Заранее понимая всё это, он никогда не решится по доброй воле участвовать в состязаниях «кто кого перепьет», разве что на кону что-то особенно важное, как-то спасение отечества, честь родителей или детей, физическая безопасность самых близких людей — словом, есть необходимость улучшить или исправить что-то в делах частных либо общественных. Точно так же не стал бы он принимать смертельный яд, если только необоримые обстоятельства не вынуждают его уйти из жизни, как уходят из своего отечества; ведь неразбавленное вино — это и в самом деле яд: смерть не смерть, а вот безумие от него случается. Впрочем, а почему бы не называть безумие смертью, раз при этом умирает лучшая наша часть, а именно ум? Мне даже кажется, что человек, будь у него выбор, без колебаний предпочтет смерть, которая разрешает и распускает узы, связывающие душу и тело, умопомешательству, как более легкую долю — более тяжкой. Потому древние и назвали изобретателя виноделия Менолом, а одержимых его исступлением вакханок — менадами: ведь вино приводит к сумасшествию и безумию у тех, кто упивается им без удержу⁸.

(37) Всё это было чем-то вроде введения к нашему исследованию, а теперь пора уже углубиться в детали и довести до конца это рассуждение — в котором, очевидно, обозначены две противоположные точки зрения: мудрец либо станет напиваться, либо не станет. Первым делом уместней будет рассмотреть доводы, которыми подкрепляется первая точка зрения. Для начала отметим, что среди вещей встречаются омонимы и синонимы. Всякий

⁸ И Μαινόλης (прозвание Диониса), и μαινάς («менада») — от μανία 'безумие'.

согласится, что омонимия и синонимия — противоположности: омонимия предполагает приложение одного имени ко многим вещам, синонимия — ⟨многих имен⟩ к одной. Так, слово «собака» определено относится к разряду омонимов, относясь ко многим непохожим вещам, которые им одним обозначаются: это и лающее сухопутное животное, это и морской зверь, это и звезда в небе, которую поэты величают «плодовой», поскольку восходит она в пору, когда уже поспевают плоды, дабы довести их до полной спелости и зрелости⁹. Подходит это имя и для философа кинической школы — Аристиппа, Диогена и несчетного множества других людей, вдохновленных ее практиками и выбравших для себя им следовать. Но есть и другие имена, которые, различаясь между собою, обозначают одно и то же, например «стрела», «срезень», «снаряд»: всеми этими именами называют то, что выстреливает в цель, слетая с тетивы лука. Опять-таки, орудие, которое наравне с парусами служит для движения судна, называется «веслом», «греблом», «лопастью»; ведь когда из-за штиля или противного ветра судно не может использовать паруса, те, кому положено, садятся на весла, выпускают их в два ряда с обеих сторон судна наподобие крыльев и заставляют его понестись вперед: приподымаясь над морскою гладью, судно не столько рассекает волны, как летит над ними, быстро мчится и вскоре заканчивает бег свой, приставая в надежной гавани. Или вот еще: «посох», «палка» и «трость» суть различные наименования одной и той же вещи, на которую можно опереться, которой можно ударить кого-то, поддержать себя при ходьбе и делать много чего еще. Все эти примеры я привел не потому, что склонен к многословию, а чтобы лучше прояснить предмет нашего исследования. (38) Неразбавленный чистоган древние без разбора называли как просто «вином» (οἶνος), так и «пьяным» (μέθυ) — это слово неред-

⁹ Словом κύων — обычно без дополнительных уточнений — обозначается и собственно собака, и морская собака, то есть вид акулы (ср. Arist. *HA* 6.11, 566a33), и «Песья звезда» Сириус (σεῖριος 'палачий') — α Большого Пса, полатыни *Canicula* 'псина'; гелиакический восход Сириуса приходится на самый разгар лета — «собачьи дни», они же «каникулы».

ко встречается в поэзии. На если «вино» и «пьяное» — синонимы, относящиеся к одному и тому же, тогда и связанные с ними выражения «выпивать» (τὸ οἴνουσθαί) и «напиваться» (τὸ μεθύειν) будут различаться только звучанием: то и другое подразумевает употребление вина в больших количествах — а от такого и человек серьезный по многим причинам может не найти повода отказать. Что выпить вина, что напиться — без разницы: пьяный ничуть не в худшем положении, а ровно в таком же, как и просто выпивший.

Таким образом, один довод в пользу того, что мудрец может напиваться, уже высказан, второй же на подходе. Вообще говоря, нынешние люди за немногими исключениями не похожи на прежних в своих устремлениях и оценках, но в словах и делах их — уже полный разлад и раздрай с тем, что было в ходу у живших прежде. Язык, некогда здоровый и мощный, они довели до неизлечимо недужного и испорченного состояния; крепкое и цветущее, как у атлета, тело его заразили болезненной хилостью; полную и плотную (τὸν πλήρη καὶ ναστόν), как сказал кто-то¹⁰, твердо-упругую массу его свели к неестественной и нездоровой пухлости, каковую еще и растягивают сколько возможно, до напыщенности, изо всех сил надувая и накачивая одной пустотою, а когда силы заканчиваются и тянуть дальше некуда, пузырь лопается. Ну а дела — похвальные, вдохновляющие и, скажем так, мужественные — они обабили и превратили, совершая их, из прекрасных в постыдные. В результате совсем немногим по-прежнему по сердцу те вещи, будь то слова или дела, которыми горели люди в старину. Потому и процветали в свое время поэты и писатели и вообще все, кто занимался прочими музыкальными искусствами; они не улаждали слуха, вместе с тем расслабляя его, ритмами своего языка, но если что-то в рассудке (τὴ τῆς διανοίας) было поломано или расстроено, они восстанавливали это и вновь заставляли звучать, и всякий стройный звук приводили в гармонию с инструментами природы и добродете-

¹⁰ Трудно сказать, кто именно, но ср. Ph. Plant. 2.7 (πλήρης καὶ ναστόν), а также S.E. M. 7.214 (πλήρη καὶ ναστά).

ли. А в наши дни процветают повара и кондитеры, мастера по окраске тканей и парфюмеры: они без усталости воздвигают оплот чувств — все эти новые оттенки, фасоны, ароматы и вкусовые букеты — против владыки-ума, чтобы вконец его задавить.

(39) Так и чего ради вспоминаю я обо всём этом? А для того, чтобы указать, что употреблять неразбавленное сегодня — совсем не то же самое, чем это было встарь. Ведь нынче принимают на грудь одну за другой, без передыху, пока не поплывут и телом, и душою, и разевают рты, чтобы еще подлили, и негодуют, если слуги медлят — не наполняют сразу, как прикажут, кубки, поскольку всякое такое промедление для них — как удушение «жары», как это называется у них. А для своих собратников учиняют они пародию на гимнастические состязания, соревнуясь в том, кто кого перепьет, при этом не жалеют баш на баш друг другу честно воздавать, даже с лихвою: глодают уши и носы друг другу, кончики пальцев и любую, какая попадается, часть тела¹¹. К таким вот состязаниям, как видим, новейшее влечет веселье, цветущее сегодня пышным цветом, почти достигнув апогея своего — но совершенно непохожее на то, какое было встарь, у наших предков. Ведь те всякое значительное дело начинали со священнодействий и жертвоприношений, полагая, что только таким образом будет обеспечен удачный исход. Даже если обстоятельства поджимали, требуя немедленного действия, они непременно находили время на то, чтобы сначала помолиться и принести жертву, полагая, что не всегда скорость предпочтительней медлительности, ведь скорость без предусмотрительности пагубна, тогда как медлительность, обеспечивающая уверенность в успехе, благотворна. Они, стало быть, понимали, что вкушение и употребление вина требует большой осмотрительности, и потому не было такого, чтобы неразбавленное вино они выпивали сколько влезет и когда захочется — только в урочном порядке и урочное

¹¹ Судя по параллельным местам у Филона (*Somn.* 2.24.168; *Cont.* 5.40–47), он имеет в виду не просто «обглаживание лица» и прочих частей тела в смысле обмена пьяными нежностями или наскаками, а нечто более серьезное, вакхически-менадическое.

время. Помолившись сперва, принеся жертвы и умиловив божество, очистив тела омовениями, а души — струями надлежащих заповедей и наставлений, сияющие и радостные, тогда только позволяли они себе расслабиться и развлечься, причем нередко даже не возвращаясь домой, но оставаясь в храмах, где перед тем приносили жертвы, чтобы, памятуя об этих жертвах и уважая святость места, засесть за истинно благопристойный пир, ни словом не греша, ни делом. Именно отсюда, как говорят, и произошло слово «напиваться» (μεθύειν) — оттого что в прежние времена в обычае было пить вино после жертвоприношения (μετὰ τὸ θύειν). Так кому же, спрашивается, больше подходит только что описанный способ употребления неразбавленного вина, как не мудрецам, с чьей натурой вполне согласуется и дело, которое предшествует опьянению, а именно жертвоприношение? В конце концов едва ли хоть один недостойный дойдет до истинного жертвоприношения, пусть даже будет тащить к алтарю нескончаемой вереницей по тысяче быков каждый день, потому что самая главная жертва — ум — у него увечна, а возлагать на алтарь увечное не дозволено.

Вот высказан и второй довод, показывающий, что быть достойным человеком и напиваться одно другое не исключает. (40) А третий отличается особенной убедительностью, сообщаемой ему этимологией. А именно, некоторые считают, что опьянение (μέθη) называется так не только потому, что происходит после жертвоприношения, но и потому что оно является причиной отпускания (μέθεσις) души — дает душе волю. Когда у людей дурных отпускает разум (λογισμός), из них лезут потоки окаянства, тогда как умным это же дает возможность отвести душу как должно: сбросить напряжение, поднять настроение и развеселиться. Заливший глаза мудрец делается приятнее трезвого, так что и на этом основании мы не ошибемся, если подтвердим, что мудрец напиваться станет. Ко всему прочему следует заметить, что эйдос мудрости чужд угрюмости и суровости, не подавлен угрызениями и унынием, а напротив — весел и спокоен, испол-

нен радости и довольства, и всё это большею частью толкает к игривости и шутливости, но без грубости, а со вкусом. Такая игривость вполне гармонирует с достоинством и серьезностью, как на хорошо настроенной лире звуки сливаются с отзвуками в единую мелодию. Ведь и святейший из людей Моисей показывает, что цель мудрости — забава и смех, только не те, которым бездумно предаются несмышленные дети, но такие, что свойственны тем, кто уже убелен сединами — убелен не только прожитыми годами, но и разумными суждениями. Разве не видишь, что когда Моисей говорит о человеке, который набирается знания, слушая и слушаясь лишь себя самого, научаясь лишь у себя, у него выходит, что такой человек не просто причастен смеху, но сам и есть смех. Речь идет об Исааке, чье имя означает «смех» и для кого в самый раз играть с «выдержкой», как у евреев толкуется имя Ребекки¹². (41) Простому человеку видеть божественную игру души не дозволено, но она открыта царю, которому премудрость спутницу долго пребывала, а то и поселилась в нем навеки. Авимелех имя того царя, который, «посмотрев в окно» — око раскрытое и светоносное рассудка, — узрел, как «Исаак с Ревекою, женой своей, играет» (*Быт.* 26:8). А какое другое дело пристало мудрецу, как не играть и тешиться и разделять радость с выдержкой, ожидающей прекрасных плодов? Отсюда тоже явствует, что он станет напиваться, поскольку опьянение, давая расслабиться, при этом закаляет характер. Ведь очевидно, что неразбавленное вино, как и многое другое, обостряет естественные предрасположенности — как прекрасные, так и ужасные. Например, деньги, как сказал кто-то, хорошему человеку приносят хорошее,

¹² Имя Исаака (רִבְקָה: 'будет смеяться', от רָבַח 'смеяться') толкуется исходя из *Быт.* 17:17, где описан приступ смеха у отца его Авраама, узнавшего о беременности 90-летней Сарры. Имя жены Исаака Ревекки (רִבְקָה) Филон связывает с глаголом רָבַח 'ожидать' — отсылка к 20-летнему бесплодию Ревекки, прежде чем она родила Иакова с Исавом (*Быт.* 25:20–26): это и есть «выдержка» или «долготерпение» (ύπομονή), по которому она будто бы наречена; ср. трактовку Ревекки как *multa patientia* Иеронимом Стридонским (*Nom. hebr.* 74.29 Lagarde) с привлечением глагола רָבַח 'преумножаться' для начального элемента имени.

а дурному — дурное. Опять же, слава для дурака может лишь разоблачить его никчемность, тогда как для человека праведного она в полной мере выявляет его добродетель. Аналогично и употребление неразбавленного вина человека, дающего волю страстям, приводит к еще большей разнузданности, а расположенного к блаженству (εὐλαθείας) делает более благодушным и доброжелательным. Всем известно, что когда одно из двух противоположных понятий (εἶδος) применимо к некоторому множеству, другое также с необходимостью применимо¹³. Например, если понятие «белый» применимо как к достойным людям, так и к негодным, тогда и «черный», конечно, равным образом применимо к обеим группам, а не только к одной из двух. Так же трезвость и пьянство суть противоположности, и по слову предков наших трезвости причастны как добрые люди, так и негодные, а отсюда следует, что и пьянство соответствует обеим этим категориям. И потому достойный человек станет напиваться безо всякого ущерба для своей добродетели.

(42) А если прибегнуть, как в судилище, не только к искусным методам доказательства, но и к так называемым безыскусным¹⁴, один из которых предполагает свидетельские показания, мы призовем в свидетели множество прославленных сынов искусства врачевания и философии, дающих показания не только на словах, но и в писаниях своих. Они оставили по себе огромное количество сочинений об опьянении, в которых рассматривали только употребление вина как таковое, не вникая в поведение захмелевших, валяющих дурака и совсем не уделяя внимания бесчинству (παρούσια) тех, кто крепко перебрал. И у этих свидетелей мы совершенно явственно обнаруживаем, что различия между «напиться» и «выпить» не проводится. Выходит, что для мудре-

¹³ Топос противоположностей (если есть противоположность, значит реально есть и оба ее крайних термина) — средство риторических доказательств-энтимем, ср. Arist. *Rh.* 2.23, 1397a6–19.

¹⁴ Аристотель перечисляет пять видов безыскусных (ἀτέχνων), то есть выходящих за рамки риторического искусства, доказательств: законы, свидетели, договоры, показания под пыткой, клятвы (*Rh.* 1.15, 1375a22–25).

ца как следует при случае поддать — совсем не беда. А значит, мы не ошибемся, сказав, что мудрец напиваться станет.

Никто не может быть объявлен победившим, когда в борьбе отсутствует соперник (и если кто-то состязается вот так, с самим собою, такое впору расценить как борьбу с собственной тенью), поэтому необходимо обозначить доводы в пользу противной точки зрения на пьянство мудреца, дабы достигнуть справедливого решения, не осуждая ни одну из двух сторон заочно. Из этих доводов первый и самый веский вот какой. Никто в здравом уме не доверит тайну пьяному, <но достойному доверит>: отсюда следует, что достойный человек не напивается. Что до прочих доводов, то чем выставлять их по порядку один за другим, лучше будет, чтобы не наскучить вам своим многословием, если я на каждый представленный сразу же приведу возражение. В опровержение только что представленного кто-то может возразить, что согласно этому доводу мудрец никогда не станет не только напиваться, но и тосковать, засыпать, да и вообще умирать. Но существо, которое не ведает ни одного из этих состояний, либо лишено души, либо божественно, но человеком точно не является. А дальше этот оппонент, воспроизводя логику указанного довода, вот каким образом применит ее к случаю человека тоскующего, засыпающего или умирающего: никто в здравом уме не доверит тайну кому-то в одном из этих состояний, но в силу того же здравомыслия доверит ее мудрецу. Отсюда следует, что мудрец никогда не тоскует, не засыпает и не умирает¹⁵.

F 102.3 R³ (Plu. *Garr.*) 4, 503d–504c).

Пожалуй, всякий скромный и порядочный человек избегает напиваться: ведь если гнев, по мнению некоторых, соседствует с безумием, то опьянение с безумием сожительствует. Вернее, оно и есть безумие, только меньшее по длительности, но добровольное и тем худшее, что люди прилежат ему по собственному выбо-

¹⁵ В скобках восполнение лакуны в тексте П. Вендланда по конъектуре Г. фон Арнима. Приводимый здесь силлогизм восходит к Зенону Китийскому (fr. 1.229 svf); его подробно разбирает Сенека (*Ep.* 83.9 sqq.).

ру. А ведь опьянение ни за что так не ругают, как за бесконечную и несдержанную болтовню. Вот и у Поэта (*Od.* 14.463–466):

Разум

Мне замутило вино: заставляет оно и разумных
Петь, блаженно смеяться, пускаться в веселую пляску.

Что же тут страшного — в смехе, песне и пляске? Пока ничего, но заставляет оно вдобавок —

И говорить про такое, про что помолчать надлежало б.

А это уже и страшно, и опасно. Не разрешил ли тут Поэт вопроса, над которым бились философы, определив разницу между состоянием хмельным и пьяным (*οἰνώσεως καὶ μέθης*)? Первому присуща расслабленность, второму — неумеренная болтливость. Ибо что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, гласит пословица. Потому, когда на одном пиру некий болтун обвинил в глупости молчаливого Бианта, тот воскликнул: «Да разве глупец смог бы молчать за чашей вина?» А в Афинах один человек, собираясь угощать царских послов, решил, согласно их желанию, пригласить к себе и философов; поскольку на пиру все гости в общей беседе друг другу рассказывали о себе и лишь Зенон хранил безмолвие, благожелательные и общительные чужеземцы, подняв за его здоровье чашу, спросили у него: «А о тебе, Зенон, что рассказать царю?» — «Ничего, — отвечал он, — кроме того, что есть в Афинах старик, умеющий молчать во время попойки» (*fr.* 1.284 *svf*). Глубина и значительность присущи трезвости и молчанию, опьянение же болтливо: оно и безумно, и безрассудно, а оттого и многословно. Философы, определяя опьянение, называют его одурением с перепоя (*λήρησις πάροινος*), не порицая, таким образом, питье, если сопутствует ему молчание; но вот глупые речи превращают захмелевшего в пьяного. Однако пьяный лишь за чашей несет вздор, а болтун языком мелет всегда и везде: на площади, в театре, на прогулке, среди дня и глубокой ночью. Выхаживая больного, он тяжелее недуга, попутчик в плавании — противнее морской болезни, восхваляя — хуже бранящего. С нечестными, но

немногословными людьми приятнее беседовать, чем с добрыми, но болтливými. У Софокла Нестор, пытаясь словами унять раздраженного Аякса, правильно говорит, так, как велит нравственный закон (fr. 855 Radt):

Лишь речи злы твои, дела — прекрасны.

А с болтуном не так дело обстоит, ибо неуместные речи изгоняют и губят всё хорошее, что есть в его поступке¹⁶.

F 103.1 R³ = 668 Gigon (Ath. 2.21–22, 44b–d).

Филарх пишет (FGn 81 F 64), что Феодор из Лариссы, всегда неприязненно относившийся к царю Антигону, был трезвенник. А еще он рассказывает (FGn 81 F 13), что и все иберы — трезвенники, хотя и богатейшие среди людей; из-за своей мелочности, говорит он, они всегда трапезничают в одиночку, при этом одеваются более чем роскошно. Аристотель или Теофраст (fr. 340 fnsG) упоминают о каком-то Филине, который в жизни не пил и не ел ничего, кроме молока. Пиферм же (FGn 80 F 2) среди пирейских тиранов числит трезвенника Главкона. Гегесандр Дельфийский пишет (fr. 24 fnsG), что элидские учителя софистики Анхимолон и Мосх всю жизнь пили только воду, заедая ее смоквами, однако телом были здоровы не хуже любого другого, только пот их пахнул настолько дурно, что в банях все держались от них подальше. Фиванец Матрид всю жизнь питался лишь миртовыми плодами, и то помалу, от вина же и всего другого, кроме воды, воздерживался. Трезвенником был и музыкант Лампр, о котором Фриних (fr. 74 Kassel-Austin) говорит:

И плакать над свистелками скончавшегося Лампра,
Скорбевшего сверхмудреца, зануды-водохлеба,
Озноба соловьиного, заупокойной песни,
Иссохшей Музы.

¹⁶ Пер. М.Н. Томашевской с изменениями. У О. Жигона этот фрагмент отсутствует, а В. Розе приводит его без контекста — только часть о разнице между винопитием и опьянением. «Гнев соседствует с безумием» (μανία γὰρ ὁμότιχος μὲν ἢ ὀργή) — перепев строки комедиографа Антифана о соседстве *горя* с безумием: λύπη μανίας ὁμότιχος εἶναι μοι δοκεῖ (fr. 287 Kassel-Austin).

А комик Махон упоминает о трезвеннике Мосхионе. Аристотель в сочинении «Об опьянении» пишет, что некоторые люди, поев солений, не испытывали жажды; одним из них был аргивянин Архонид¹⁷.

Ф 103.2 R³ = 676 Gigon (Apollonios *Mir.* 25.1–2 Giannini).

(1) Аристотель в сочинении «Об опьянении» пишет: «Аргивянин Андрон, хотя употреблял много соленой и сухой пищи, никогда в жизни не испытывал жажды и пить не хотел. (2) Как-то раз он проделал путь по безводной пустыне к святилищу Аммона и всухомятку грыз одни ячменные лепешки, не проглотив ни капли влаги. Так поступал он всю свою жизнь».

Ф 103.3 R³ = 1004 Gigon (D.L. 9.80–81).

Второй (из Энесидемовых тропов) исходит из человеческой природы и личных особенностей. Так, Демофонт, повар Александра, грелся в тени и мерз на солнце; а аргивянин Андрон, по словам Аристотеля, перешел через Ливийскую пустыню, не пивши. Точно так же один чувствует влечение к врачеванию, другой — к земледелию, третий — к торговле, и то же самое занятие одним идет во вред, другим на пользу. Поэтому следует воздержаться от суждений¹⁸.

Ф 103.4 R³ (S.E. *P.* 1.84).

Аргивянин Андрон так мало страдал от жажды, что даже проезжал через безводную Ливию, не нуждаясь в питье¹⁹.

Ф 104.1 R³ = 675 Gigon (Ath. 14.48, 641de).

Почти так же, как и мы, понимает выражение «вторые столы»

¹⁷ Вариант рассказа о галактомании Филина — у Плутарха (*QConv.* 4.1, 660e); упоминается он даже у Агриппы Неттесгеймского — с атрибуцией только Феофрасту (*OC* 1.58). Лампр — учитель музыки и танцев у Софокла (Ath. 1.37, 20ef); «свистелки» в переводе Голинкевича появились из конъектуры Т. Бергка: <καὶ νιγλάροις: νίγλαρος ‘дудка, свистелка’, но λάρος ‘чайка’.

¹⁸ Пер. М.Л. Гаспарова. «Энесидемовы тропы» подробно разбираются в «Пирроновых положениях» у Секста Эмпирика (*P.* 1.41–146): первые пять рассматривают ненадежность всего видимого со стороны субъекта, последние пять — со стороны объекта.

¹⁹ Пер. А.Ф. Лосева.

в книге «Об опьянении» Аристотель: «Итак, десерт (τράγημα) в целом отличается от обеда точно так, как загладка (τρωγάλιον) отличается от простой еды. Τρωγάλιον — исконное слово у эллинов, потому что свои обеды они украшают десертами. Поэтому удачно выразился первый, назвавший их «вторыми столами»: десерт (τραγηματισμός) есть дополнительная еда (ἐλιδορπισμός), и следует за главной едой, как второй обед».

F 104.2 R³ = 674 Gigon (Ath. 14.47, 641b).

А Платон в «Менелae» называет их закусками (ἐπιτραπεζώματα), то есть поставленной на стол едой (fr. 76 Kassel-Austin):

- Скажи, а где же здесь закуски-то (ἐπιτραπεζώματα)?
- Давно богопротивным гостем сожраны.

Аристотель в книге «Об опьянении» пишет, что древние называли десерты «загладками» (τρωγάλια), как бы в знак, что эта пища — добавочная (ἐλιδορπισμόν)²⁰.

F 104.3 R³ = 1017 Gigon (Σ Ar. Pax 772ab Holwerda).

Вместо «загладок» (τρωγάλια) древние говорили «десерты» (τραγήματα).

F 105 R³ = 53 Gigon (Ps.-Jul. Ep. 180 Bidez, 390b–392a).

Разные люди по-разному отмечают всенародные праздники. Я же тебе привет шлю сладкий по случаю години сладкой — сто смокв домашних длинностебельных сушеных. Хотя размером дар мой и ничтожен, но красотой доставить удовольствие он должен. Ведь утверждает же Аристофан (fr. 681 Kassel-Austin), что ничего нет слаще смокв на свете, разве что мед, а если рассудить, то вовсе ничего нет слаще смокв. А Геродот, желая описать какую-то поистине бесплодную страну, считает нужным указать лишь это: «Ни смокв там нет, ни вообще чего-либо хорошего другого» (1.71), тем самым подразумевая, что из плодов земли смоквы стоят на первом месте, и где они растут, хоть что-то у людей хорошее там

²⁰ Упомянутый здесь Платон — это, конечно, комедиограф, старший современник философа Платона. Н.Т. Голинкевич в своем переводе не решает на «закуски» и «загладки», попросту передавая греческие термины кириллицей.

есть. Вот и мудрец Гомер, расхваливая прочие плоды за их размер, за цвет, за красоту, одну лишь смокву именем «сладчайшей» дарит (*Od.* 7.116, etc.); а мед он называет «желтым» (*Il.* 11.631, etc.) и опасается наречь, забывшись, «сладким» — ведь мед, случается, бывает горек. И только смокву должным наречением он славит — как и нектар (*Il.* 1.598), — поскольку только смоква из всех вещей действительно сладка. Вот и согласно Гиппократу, пускай на вкус и сладок мед, в пищеварении он очень даже горек, и я этой оценке верю. Ведь все согласны, что он производит желчь и вкусом противоположным среду телесных соков заполняет²¹. Отсюда тем яснее видно, что горечь изначально в нем заложена была природой: ведь мед не мог бы горьким стать, когда бы не была ему присуща с самого начала горечь, которая уже потом в обратное переменялась. А смоква и на вкус сладка, но и в пищеварении не хуже. И так она полезна для людей, что Аристотель даже называет ее противоядием от всех губительных отрав и говорит, что именно по этой, ни по какой другой причине на стол вперед других блюд смоквы подают — и после прочих, в качестве закуски, как будто это лучшее из освященных средств вред, могущий в еде быть скрытым, отвести. Кроме того, он говорит, что смоквы и богам подносят — на всяком жертвоприношении они на алтаре, — и ладана любого лучше для изготовления воскурений. И это не мое частное мнение, конечно: ведь всякий изучавший употребление смокв знает, что оно высказано мудрым человеком, притом иерофантом. Вот и прекрасный Феофраст в своих советах земледельцу (*fr.* 395 *fnsg*), рассказывая о деревьях из категории подвоев, которые к себе извне привои допускают, больше всего среди растений смоковницу как будто восхваляет за то, что множество привоев различных и разнообразных она может принять и вообще одна из всех приростки запросто выносит любого рода: если

²¹ У Гиппократа такого не обнаруживается, разве что в *Int.* 42, где говорится, что вареный мед может вызывать острое воспаление желудка и понос. Ср. еще место из Галена (*Aff. alim.* 39), где сказано, что в «горячих телах» мед превращается в желчь и отмечается его «едкость» (ἔχει τὴν καὶ δριψύ), которая вызывает понос и от которой можно избавиться, если его отварить, а также μ 499 в *Суде*.

все ветки у нее обрезать и взять обрезки от других деревьев, то на любой расщеп у смоковницы какой угодно можно посадить привой. Так что на вид она напоминает нередко полноценный сад, лаская взор, словно в чудесных куцах, разнообразием и роскошью плодов²².

Г 106.1 R³ = 671 Gigon (Ath. 10.67, 447ab).

И не бойся, выпивая эту чашу, свалиться навзничь: этого не бывает с теми, кто пьет, согласно Симониду (fr. 23 West), «вино, оплот против гнетущих дум». Зато, как говорит Аристотель в книге «Об опьянении», только на спину падают те, кто пьет ячменный напиток, называемый «пивом» (πίνον); пишет он так: «Кроме того, особый случай представляет ячменный напиток, называемый пивом. Опьяневшие от других напитков люди падают в любую сторону — и налево, и направо, и вперед, и назад, а опьяневшие от пива падают только назад и лежат навзничь».

Г 106.2 R³ = 666 Gigon (Ath. 1.61, 34b).

Однако Гелланик (FGH 4 F 175) утверждает, что впервые виноградная лоза была обретаена в египетском городе Плифине. Поэтому, считает философ-академик Дион, египтяне стали большими ценителями и любителями вина. Было у них даже изобретено средство для облегчения положения бедняков, которым не хватало на вино, — а именно ячменный напиток; и выпившие его приходили в такой восторг, что принимались петь, плясать и во всём вели себя как настоящие пьяные. Аристотель пишет, что опьяневшие от вина падают вперед, лицом вниз, а упившиеся ячменным напитком валяются навзничь; объясняет он это тем, что одно отяжеляет голову, другое же просто усыпляет²³.

²² Авторство этого адресованного «светлейшему Сарапиону» письма уже давно отнято у императора Юлиана; вероятнее всего, оно написано его дедом по матери Юлием Юлианом (см. Vanderspoel 1999 с превосходным просопографическим обзором). Перевод Кл. Наполи в сборнике Т.Г. Сидаша (Сидаш 2016: 610–617) определенно выполнен с английского перевода, а в нашем сделана попытка отметить его риторическую изысканность.

²³ Πλίυθίνη — местечко где-то на западном берегу озера Мареотиды (Александрия лежала на перешейке между этим озером лагунного типа к югу и Сре-

F 107 R³ = 669 Gigon (Ath. 10.34, 429cd).

Только те, кто не знает сущности вина, безрассудно клеветают на Диониса, будто он насыляет на людей безумие. Потому и Меланипид говорит (fr. 760 PMG):

Только что не зная вина,
Все уже взгнушались водой —
Диво ли, что вскорости выдалась
Одним — смерть,
А другим — испуганный зык?

Аристотель пишет в книге «Об опьянении»: «Если вино немного прокипятить, оно опьяняет меньше, ибо сила его при кипячении убывает. Пожилые люди, — продолжает он, — опьяняются быстрее, потому что естественного тепла в них меньше, и оно слабее. Молодые же люди, наоборот, быстрее пьянеют из-за того, что тепла в них много и поэтому добавленное тепло от вина легко их одолевает. Среди бессловесных животных пьянеют свиньи, поевшие виноградного жмыха, а из ворон и псов — поевшие так называемой винной травки. От вина пьянеют также обезьяны и слон. Поэтому охотники ловят их, опьяняя обезьян вином, а ворон винной травкой»²⁴.

F 108 R³ = 1015 Gigon (Plu. *QConv.* 3.3.1, 650a–c).

На одном дружеском обеде Флор выразил удивление, что Аристотель, указав в своем трактате «Об опьянении», что старики весьма легко поддаются опьянению, а женщины гораздо труднее, не высказался о причинах этого, что он обычно делает. Когда Флор предложил присутствующим обсудить этот вопрос, на

диземным морем к северу), во времена Геродота считалось западной границей Нижнего Египта (Hdt. 2.6). В древности высоко ценилось мареотийское вино (ср. Str. 17.14.799); современная марка Maréotis из долины Роны названа невпопад (свидетельство упадка классического образования), поскольку делается оно из смеси сортов *красного* винограда, тогда как мареотийское было легким *белым* вином (ср. Verg. *Georg.* 2.91).

²⁴ «Винная травка» (ἡ οἰνοῦττα βοτάνη — хмель?) упоминается еще только Элианом (*VH* 2.40), у кого сказано примерно то же о ее воздействии на собак и ворон. У Аристофана (*Pl.* 1121) οἰνοῦττα согласно схолиям — винная каша или лепешка (по аналогии с медовой, μελιτοῦττα).

это откликнулся Сулла. Он сказал, что оба вопроса сводятся к одному: если удастся найти причину в части, касающейся женщин, то не понадобится особого изыскания и относительно стариков: ибо и та, и другая природа вполне противоположны, как противоположна природа влажности и сухости, гладкости и шероховатости, мягкости и жесткости. «И относительно женщин я принимаю прежде всего как данное, что им присуще влажное смещение, которое имеет своими признаками нежность тела, гладкую до блеска кожу и очищения. И вот, когда вино попадает в столь влажную среду, оно утрачивает свою окраску и становится совершенно неосязаемым и водянистым. Об этом можно нечто найти и у самого Аристотеля. Он говорит, что те, кто выпивает чашу залпом, единым духом (*ἀμυστίζειν*), как говорили древние, менее всего впадают в опьянение: ибо неразбавленное вино, проталкиваемое быстрым натиском, сразу проходит тело насквозь. А мы довольно часто видим, что именно так и пьют женщины. И постоянное выделение влаги в очищения показывает, что их тело от природы пористо и пронизано как бы водоотводными канальцами: попадая в них, неразбавленное вино быстро выходит, не задерживаясь в главенствующих местах, расстройство которых и вызывает опьянение».

F 109 R³ = 670 (Ath. 10.34, 429f).

И Аристотель пишет, что всего три котилы так называемого «самагорейского» вина, смешанные с водой, могут опьянить свыше сорока человек²⁵.

F 110–111.1 R³ = 672 (Ath. 11.11–12, 464b–d).

Однако мне хорошо известно, что глиняные чаши часто придают питью великую сладость. Например, наши, которые сплавляют к нам по Нилу из Копта: глина, из которой они сделаны, смеша-

²⁵ Три котилы (*κοτύλη*) — это чуть больше бутылки емкостью 0.75 литра. *Σαμαγόρειος οἶνος* — вероятно, какая-то суперкрепкая разновидность самосского; интересно, что в ряде рукописей (датируемых 14–15 веками) вместо *σαμαγόρειον* (Асс.) читается *σαμαγόριον* или *σαμαγόρειον*: уж не был ли знаком переписчик с русским *самогоном*?

на и обожжена с благовониями. И Аристотель в книге «Об опьянении» говорит: «Так называемые родосские горшки употребляются на попойках ради удовольствия и ради того, что когда они нагреты, то вино в них меньше кружит голову. Потому что если бросить в воду и вскипятить мирру, пахучий тростник и тому подобное, а потом подлить к вину, то вино меньше опьяняет». И в другом месте: «Родосские горшки делаются с использованием сваренных вместе мирры, пахучего тростника, аниса, шафрана, бальзамина, кардамона и корицы; если эту смесь влить в вино, то она настолько сдерживает опьянение, что даже развеивает угар (τὰ πνεύματα) любовного вожделения». Поэтому не будем и мы пить, словно одержимые неким безумием, глядя на эти бесчисленные и так прекрасно выделанные чаши.

Ф 110–111.2 R³ = 673 (Ath. 11.96, 496f).

Родосская <чаша>. Дифил в «Стенохвате» — Каллимах (fr. 440 Pfeiffer) называет эту комедию «Евнухом» — пишет следующее (fr. 5.1–2 Kassel-Austin):

Чтобы больше пить

Из них, чем из ритонов и родосских чаш?

Их упоминают и Диоксипп в «Сребролюбце» (fr. 4.2 Kassel-Austin), и Аристотель в книге «Об опьянении», а также Линкей Самосский в «Письмах» (fr. 16b Dalby).

Лумерамура

- AW = *Aristoteles. Werke in deutscher Übersetzung*. Bd. 20.1: *Aristoteles. Fragmente zu Philosophie, Rhetorik, Poetik, Dichtung*. Übersetzt und erläutert von Hellmut Flashar, Uwe Dubielzig und Barbara Breitenberger. Berlin: Akademie Verlag, 2006.
- FHG = *Fragmenta historicorum Graecorum*. Collegerunt Car. Mullerus et al. T. 1–5. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1841–1873.
- FHSG = *Theophrastus of Eresus: Sources for His Life, Writings, Thought and Influence*. Edited and Translated by William W. Fortenbaugh, Pamela M. Huby, Robert W. Sharples (Greek and Latin) and Dimitri Gutas (Arabic), together with Andrew D. Barker, John J. Keaney, David C. Mirhady, David Sedley and Michael G. Sollenberger. Parts 1–2. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1992.
- Gigon = *Aristotelis Opera*. Vol. 3: *Librorum deperditorum fragmenta*. Collegit et annotationibus instruxit Olof Gigon. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 1987.
- Laurenti = *Aristotele. I frammenti dei dialoghi*. A cura di Renato Laurenti. T. 1–2. Napoli: Luigi Loffredo editore, 1987.
- R³ = *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Collegit Valentinus Rose. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1886.
- Афонасин, Е.В. (2017), *Аристотель. Избранные фрагменты и свидетельства об утраченных сочинениях*, СХОЛН (*Schole*) 11.2: 586–607.
- Сидаш, Т.Г. et al., ed. (2016), *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб.: Издательский проект «Квадривиум».
- Geljon, A.C.; Runia, D.T. (2019), *Philo of Alexandria. On Planting: Introduction, Translation, and Commentary*. Leiden; Boston: Brill.
- Olson, S. Douglas, ed. (2019–2023), *Athenaeus Naucratis. Deipnosophistae*. Vols. 1–5. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Rose, V. (1863), *Aristoteles pseudepigraphus*. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Ross, W.D., tr. (1952), *The Works of Aristotle*. Vol. 12: *Select Fragments*. Oxford: at the Clarendon Press.
- Ross, W.D., ed. (1955), *Aristotelis fragmenta selecta*. Oxonii: e typographeo Clarendoniano.
- Vanderspoel, J. (1999), “Correspondence and Correspondents of Julius Julianus”, *Byzantion* 69.2: 396–478.